

UKRAINIAN ON THE WAY TO GENDER TOLERANCE

L. Shutova, Candidate of Philology, Associate Professor
Luhansk National University named after Taras Shevchenko,
Ukraine

The article is devoted to the problem of the language discrimination of the person on the basis of a gender. Reasons of emergence of language sexism in different countries are considered, the main forms of its manifestation in Ukrainian are analyzed and ways to gender tolerance are defined.

Keywords: gender, language discrimination, sexism, political correctness, gender tolerance.

Conference participant, National championship in scientific analytics,

Вопрос о равноправии полов в его языковой реализации насчитывает уже несколько десятилетий. Он возник в 60-х годах XX века в связи с женским движением на Западе. С тех пор ученые ввели в свой научный оборот слова и словосочетания „сексизм”, „языковое неравенство”, „дискриминация по полу”, „политкорректность”.

Словарь гендерных терминов дает такое определение сексизма: „идеология и практика дискриминации людей по признаку пола” [1]. Исследования связи рода и пола в языке не новы и связаны с именами С. Трёмель-Плётц, Р. Лакофф, Л. Пуш, Н. Янко-Триницкой, М. Кронгауза, А. Шахмайхина, А. Кирилиной, Е. Горошко, С. Тер-Минасовой, З. Темиргазиной [2 – 11] и др. В Украине в этой связи проводили исследования М. Брус, С. Семенюк, А. Нелюба, Д. Мазурик [12 – 15] и др.

Языковой сексизм чаще отражает мужское доминирование в разных областях жизни человека, обусловленное убеждениями, сложившимися в обществе, согласно которым мужчина – это первооснова, а женщина – вторична. Примером может служить наличие, например, в украинском языке слов *брокер, боксер, капитан, ректор* и отсутствие их женских коррелятов. Хотя нужно сказать, что случаи выражения доминирования женщин также есть, например названия в основном женских профессий и рода занятий медсестра, домробітниця и отсутствие соответствующих названий мужчин.

Сегодня мы имеем множество свидетельств тому, что женщины и мужчины по-разному представлены в системе многих языков. Дискриминация по полу

может быть выражена в системе национального языка и в индивидуальных речевых практиках. Влияние на языковые и речевые различия в речи мужчин и женщин могут оказывать общественные процессы, как, например, в японском языке. Свидетельством этого является факт, что в раннем средневековье статус японской женщины был выше и соответственно различий в речи было меньше. По данным массовых обследований, максимальные различия между тем, как говорят мужчины и женщины, приходится на возрастную группу от 50 до 60 лет, т. е. на период, когда мужчины в Японии обычно выше всего поднимаются по социальной лестнице. Когда же они перестают работать и уходят на заслуженный отдых, речевые различия несколько сглаживаются [16].

Разговор японца с японкой строится как общение высшего с низшим. Показательным в этом плане является употребление женщинами форм вежливости в разговоре с мужчинами, хотя последние в речи это не используют. Таким образом ограниченность женских функций в обществе приводит к ограниченности их речевого поведения. Официальные нормы регламентируют в обучающей функции использовать именно мужской вариант языка [16]. Таким образом, чем ближе друг к другу социальные статусы женщины и мужчины, тем понятнее им их язык. По свидетельству И. Латышева, „японская пресса избегает, как правило, называть замужних женщин по фамилии и имени и упоминает о них лишь как о „супругах” тех или иных лиц” [17].

Истории известны случаи, когда женщины по собственной воле „стано-

УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК НА ПУТИ К ГЕНДЕРНОЙ ТОЛЕРАНТНОСТИ

Шутова Л.И., канд. филол. наук, доцент
Луганский национальный университет им. Т. Шевченко,
Украина

Статья посвящена проблеме языковой дискриминации человека по гендерному признаку. Рассматриваются причины возникновения языкового сексизма в разных странах, анализируются основные формы его проявления в украинском языке и определяются пути к гендерной толерантности.

Ключевые слова: гендер, языковая дискриминация, сексизм, политкорректность, гендерная толерантность.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике

*Принимай судьбу отрадно, не ищи других причин:
Разделились беспощадно мы на женщин и мужчин
А. Дольский („От прощанья до прощанья”)*

вились” мужчинами, то есть отказывались от „женских” ролей в обществе (в частности в Албании), когда вследствие кровной мести, распространенной в этой стране, мужская часть семьи гибла, и одна из незамужних женщин рода (ее называли бурнеша или виргинеша), дав клятву целомудрия, становилась главой семьи, выполняя обязанности мужчин. Это не только запрет на рождение ребенка, обеспечение безопасности семьи, сохранение капитала. Вместе с этим женщина получала права мужчин. Могла свободно выбирать профессию, посещать злчные места, курить, выпивать, сквернословить, владеть оружием. Считалось, что 60 лет назад женщине легче было стать виргинешей, чем оставаться женщиной, поскольку в то время женщины и животные приравнивались друг к другу. Этот „переход” отражался на внешности (мужская одежда, короткая стрижка и т.д.), а также на тембре голоса (он становился ниже). Но такие практики, скорее, исключение, чем правило.

Многие примеры языкового сексизма исходят из стереотипности мышления. Некоторые из них настолько укоренились, что сегодня нелепыми кажутся попытки их проверить или опровергнуть. Так, в России, в г. Белогорске, решили развеять стереотип об уровне интеллекта блондинок путем опроса сотрудницами муниципального автономного учреждения «Социально-культурное объединение „Союз”» (в образе гламурных белокурых дам) женщин с разным цветом волос на разные темы, в том числе и в области знаний правил дорожного движения. Думается, что это никак не уменьшит

количество анекдотов про блондинок – уж слишком живучи они в народе.

Еще один термин, который в последнее время часто используют в контексте гендерных отношений, – политкорректность (Political correctness, или PC). Это явление, по словам С. Тер-Минасовой, „выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.” [10, с. 216]. Разделяя мысль автора о не совсем удачном названии этого явления (имея ввиду компонент *политическая* как намек на идеологическую составляющую семантики термина), отметим, что интерес к нему в последние годы заметно увеличился. „Тяжелое заболевание Запада”, „одно из самых ужасных изобретений XX века”, „новый эзопов язык”, „гидра по имени политкорректность”, „влиятельное социальное, культурное и лингвистическое движение в современном мире” – каким разным видится это явление в современном социуме! Согласимся с Д. Герасименко, что правильнее будет говорить об аспектах политкорректности как о дискурсивных стратегиях вежливости [18].

На сегодня изменилось отношение к женщине, к ее номинации как представительнице определенного пола. В немецком языке, например, обращением к незамужней женщине было слово *das Fräulein*, что сегодня используют только представительницы и представители старшего поколения, которые не могут отказаться от ранее распространенных форм. Но поскольку современное общество не хочет, чтобы женщин делили на замужних и незамужних, видя в этом проявления сексизма, то это слово отошло на периферию и сегодня заменено на *das Mädchen* – девочка, девушка (образовано от *Maedel* с помощью уменьшительно-ласкательного суффикса *-chen*).

Под влиянием феминистского движения правительство Франции приняло постановление о выведении из официального французского языка слова *mademoiselle*, а также словосочетания

nom de jeune fille „девичья фамилия” с целью заменить на *nom de famille* (семейная фамилия), *nom dans le mariage* „фамилия в браке” – на *nom d'usage* (употребляемая фамилия).

Наиболее современной формой обращения к женщине в англоязычных странах является *mis* с добавлением имени (фамилии), чтобы устранить неравенство с формой обращения к мужчинам *Mr* независимо от семейного положения.

Украинский язык в этом плане отличается от других. В нем женщин называют без указания на статус замужняя/незамужняя. Наименования женщин больше ориентированы на возраст: *дівчинка, дівчина, жінка, баба*. Да и название человека вообще и мужчины в частности отличаются (*людина – чоловік*), в отличие от других языков, где оба понятия обозначены одним словом (например, во французском, английском, немецком, японском, шведском и др. языках).

Но есть общие и специфические для конкретного языка проблемы. Итак, формы проявления сексизма в украинском языке:

1. Обозначения лиц женского пола в названии профессий, званий, должностей:

а) может отсутствовать по двум причинам: 1) стереотипность взглядов в обществе и условное разделение профессий, рода занятий на женские и мужские: например, наименования *борець, авіаконструктор, автоінспектор, агромератник, жорновик, аграрник, жокей, космонавт* ассоциируются с мужскими ролями в обществе; 2) установившиеся правила кодификации в словарях названий людей по социальному положению, профессии, что соответствует нормам научного и официально-делового стилей: *біолог, економіст, фізик, директор, красзнавець, аналітик*;

б) производно от наименования мужчин: *абітурієнт – абітурієнтка, авантюрист – авантюристка, автоматник – автоматниця, автомобіліст – автомобілістка, автор – авторка*. Причем первый вариант используется для наименования лиц обоего пола, а второй – только для женского;

в) производно от наименования мужчин, но часто имеет другое значение: *акушер* („врач – специалист по

акушерству”) – *акушерка* („женщина со средним медицинским образованием, которая имеет право самостоятельно оказывать медицинскую помощь при родах”); *годувальник* („тот, кто содержит кого-нибудь; тот, кто кормит и ухаживает за кем-либо или готовит еду”) – *годувальниця* („женщина, которая кормит грудью; жен. к годувальник); *гусятник* („пастух гусей”) – *гусятниця* („женщина, которая разводит и ухаживает за гусями”); *майстер* („специалист высокого класса”) – *майстриня* („женщина, которая занимается народным ремеслом”); *домогосподар* („домовладелец”); *домогосподарка* („женщина, которая ведет домашнее хозяйство и не работает на каком-либо предприятии или в каком-либо учреждении; домашняя хозяйка”).

Некоторые слова со временем подверглись семантическим изменениям. Так, в 11-томном „Словнику української мови” (1970-1980) слова *аліментник і аліментниця* имели разные значения: *аліментник* „тот, кто платит алименты”; *аліментниця* „женщина, которая получает алименты”. „Великий тлумачний словник сучасної української мови” под ред. В. Бусела (2005) подает лексему *аліментниця* с одним значением „жін. до аліментник”; г) не имеет варианта мужского рода, но таких слов значительно меньше, чем наименований мужчин без женских коррелятов: *амазонка* (1. „женщина-воительница”; 2. „женщина-всадник”), *ворожка* (1. „женщина, которая ворожит”; 2. „знахарка”), *босоніжка* („девушка, женщина, которая ходит босая”), *вакханка* („1. жрица бога Вакха, участница вакханалий; 2. перен. женщина, несдержанная в проявлениях своей страсти”), *пістунка* („нянька”).

Особенность украинских феминативов в том, что некоторые из них, образуясь от номинаций мужчин по их социальному положению, профессии и т. д., не составляют коррелятивную пару, поскольку могут обозначать (кроме случаев, о которых говорилось выше) жен, дочерей: *бондар* – „мастер, ремесленник, который производит бочки, деревянные ведра и т.д.”; *бондариха* – разг. „жена бондаря”. По такому же принципу образованы лексемы *генеральша, губернаторша, майорша* и др.

2. По сравнению с другими языками,

где наблюдается наличие значительного количества негативных наименований сексуально распущенных женщин в словарях и единичные лексемы для обозначения неразборчивых в половых связях мужчин, украинский язык располагает широким материалом для наименования и тех, и других. Итак, мужчина: *бабич, бабій, баболуб, волоцюга, дівчачур, дівчур, залицальник, зальотник, ловелас, моргун, селадон, стідничник, ухажер; жєницина: блудниця, гєтера, гонця, гукля, лоретка, мандрьоха, моргуха, пєлюга, перєлюбниця, повійниця, повя, подала, фрейдя, шльондра, шмондя*. Но все же женские наименования, как видим, в отличие от мужских, имеют более негативную коннотацию.

3. В украинском языке, как и в некоторых других, для называния точно неопределенного лица употребляют модель: неопределенное местоимение + глагол в прошедшем времени мужского рода: *хтось прийшов, хтось подзвонив, тебе хтось запитує*.

4. Тексты законов Украины не равноценно отображают представителей обоих полов. Согласно Семейного кодекса Украины ребенок (любого пола) может быть только усыновлен. Слово *усиновлення* не имеет варианта *удочєріння*, хотя в языке есть нейтральный термин *адоптація* для обозначения этого процесса („адоптація – усиновлення”) [19, с. 13]. Современный толковый словарь украинского языка содержит лексему *удочєріння*, но она не находит своего применения в научном и официально-деловом стилях.

Украинский язык имеет собственный запас лексических и грамматических ресурсов для преодоления языкового неравенства.

В Украине в 2010 году были опубликованы „Практические аспекты внедрения принципа равных прав и возможностей женщин и мужчин в деятельности Верховного Совета Украины”, содержащие рекомендации по устранению языкового гендерного неравенства.

На сегодня активно проводятся исследования в этой области. Материал, собранный ученым А. Нелюбой, показал, что в период с 2004 по 2010 год в украинском языке система лексических номинаций пополнилась на 160 единиц названий женщин. Автор утверждает, что „по сравнению с дру-

гими отраслями или тематическими системами, дериваты женского словообразования характеризуются большим количеством и особенностями: можно утверждать, что это одна из наиболее подвижных и наиболее изменчивых тематических групп инновационного словообразования” [14, с. 135].

Не так давно в текстах законов Украины содержалось словосочетание *одинокa мати* и отсутствовало *одинокий батько*. Сегодня читаем: „Право на помощь на детей одиноким матерям (отцам) имеет мать (отец) детей в случае смерти одного из родителей” (Часть вторая статьи 18-1 в редакции Законов № 2505-IV от 25.03.2005, № 3526-VI от 16.06.2011). Но необходимо отметить, что это, скорее, спорадическое явление, чем установившаяся традиция.

Средства массовой информации, а также словари лексических инноваций [20] предлагают значительное количество слов-феминативов, которыми раньше не располагала лексическая система языка. В отношении женских номинаций нужно признать, что они построены по установившимся продуктивным и непродуктивным языковым моделям: *борчиня, биологиня, реперша, вєждиха, агентєса, критикєса, метрєса, чємпіонєса*. Но насколько они укоренятся в языке, покажет время. А пока ученый мир наблюдает и анализирует принципы и способы укоренения (или отторжения) новых слов в языке.

Перспективы исследования в этой области достаточно широки. Наука не стоит на месте, и сегодня ведутся работы по составлению нового толкового словаря в 20-ти томах. Как сказал классик украинской литературы, Максим Рильский, „нове життя нового прагне слова”. Будем надеяться, что хорошего.

References:

1. Денисова А. А. Сексизм [Электронный ресурс] // Словарь гендерных терминов. – М.: Информация XXI век, 2002. – 256 с. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/gender/237.htm>.
2. Trömel-Plötz S. Linguistik und Frauensprache // Linguistische Berichte. – 1978. – S. 49 – 68.
3. Lakoff R. Language and women's Place // Language in Society. – 1973. – № 2. – P. 45 – 79.
4. Pusch L. Das Deutsche als Männer-sprache // Linguistische Berichte. – 1981. – S. 59 – 74.

5. Янко-Триницкая Н. А. Наименования лиц женского пола существительными женского и мужского рода // Янко-Триницкая Н. А. Развитие словообразования современного русского языка. – М., 1966. – С. 153 – 167.

6. Кронгауз М. А. Sexus, или Проблема пола в русском языке // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. – М., 1996. – С. 510 – 525.

7. Шахмайкин А. М. Проблема лингвистического статуса категории рода // Актуальные проблемы современной русистики. Диахрония и синхрония. – М.: МГУ, 1996. – С. 226 – 273.

8. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. – М.: Институт социологии РАН, 1999. – 189 с.

9. Горошко Е. Пол, гендер, язык // Женщина. Гендер. Культура. – М., 1999.

10. Тер-Минасова С. Язык и межкультурная коммуникация : учебное пособие для студентов, аспирантов и соискателей по специальности „Лингвистика и межкультурная коммуникация”. – М.: Слово, 2000. – С. 216.

11. Темиргазина З. К. Гендерная асимметрия в номинации лиц по профессии // Гендерная лингвистика: Коллективная монография. – Павлодар, 2013. – 584 с.

12. Брус М. П. Загальні жіночі особові номінації в українській мові XVI-XVII століть: словотвір і семантика: дис. ... канд. філол. наук. – Івано-Франківськ, 2001.

13. Семенюк С. П. Формування словотвірної системи іменників з модифікаційним значенням жіночої статі в новій українській мові: дис. ... канд. філол. наук. – Запоріжжя, 2000. – 273 с.

14. Нєлюба А.М. „Гендерна лінгвістика” і малопродуктивні словотвірні засоби // Лінгвістика. – 2011. – № 1 (22). – С.135–142.

15. Мазурик Д.В. Інноваційні процеси в лєксіці сучасної української літературної мови (90-і роки ХХ ст.): авторєф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.01 „Українська мова”. – Львів, 2002. – 21 с.

16. Алпатов В.М. Япония: язык и общество. – М.: Муравей, 2003.

17. Латышев И. А. Семейная жизнь японцев. – М., 1985.

18. Герасименко Д. Политическая корректность как социокультурное явление и её отражение в современном английском языке: авторєф. дис. на соиск. учєн. степ. канд. філол. наук: спец. 10.02.04 „Германские языки”. – 20 с.

19. Великий тлумачний словник сучасної української мови (з дод. і допов.) / Уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К.; Ірпінь: ВТФ „Перун”, 2005. – 1728 с.

20. Нєлюба А., Нєлюба С. Лєксіко-словотвірні інновації (2004-2006): Словник. – Х.: Майдан, 2007. – 144 с.